

НИНА ГРУДЕВА

ТАМ, ГДЕ ОТКРЫТА дверь

*Город, где
каждый шаг —
это встреча с
историей и
самим собой*

ТОМСК.

ГОРОД, В КОТОРОМ
ПРОШЛОЕ ДЫШИТ РЯДОМ

Нина Грудева

ТАМ, ГДЕ ОТКРЫТА ДВЕРЬ!

«Автор»

2026

Грудева Н.

ТАМ, ГДЕ ОТКРЫТА ДВЕРЬ! / Н. Грудева — «Автор», 2026

Томск. Минус двадцать два. Студент Илья находит в подвале библиотеки чёрную тетрадь, которая пишет сама. Но вместо мистики он открывает нечто большее — город, где свет живёт не в куполах, а в трещинах асфальта, в шуме дождя, в расстроенной гитаре и в стуке ложек по столу. История о том, как перфекционист учится слышать музыку в хаосе и понимает: маяк светит не для того, чтобы все корабли причалили, а чтобы те, кто в море, просто не потеряли надежду.

© Грудева Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Плотный воздух, красный кирпич и драконы.	5
Глава 2. Воскресенская гора и вид на излучину.	7
Глава 3. Сосны на холме и вид на Томь.	8
Глава 4. Университетская роща и липы XIX века.	9
Глава 5. Подвалы научной библиотеки.	11
Глава 6. Сектор «Редкий фонд».	13
Глава 7. Тетрадь в кармане.	16
Глава 8. Старый Крест.	20
Глава 9. Светлый Томск.	22
Глава 10. Пятница, вечернее служение.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Нина Грудева

ТАМ, ГДЕ ОТКРЫТА ДВЕРЬ!

Глава 1. Плотный воздух, красный кирпич и драконы.

Минус двадцать два, и томский воздух становится не просто холодным — он становится плотным, звенящим, как натянутая струна. Каждый вдох обжигает легкие запахом мерзлого асфальта, далекого хвойного леса и едва уловимым, сладковатым дымком от угольных печек, который тянет из частного сектора.

Илья свернул с проспекта Ленина на улицу Красноармейскую. Здесь, в Верхнем городе, ветер не так сильно пробирал до костей: высокие каменные стены старинных корпусов и густые кроны вековых лип, даже сейчас, без листвы, создавали подобие защиты. Он шел не спеша, привычно скользя подошвами ботинок по утоптанному, хрустящему снегу.

Впереди, в мягком желтом свете уличных фонарей, проступали очертания Дома с драконами. Илья, как и многие томичи, никогда не мог пройти мимо этого дома на **Красноармейской, 68**, без того чтобы не остановиться. Даже спустя годы, даже в самый лютый мороз, он вызывал щемящее чувство. Темное, благородное дерево фасада контрастировало с белыми сугробами. На крыше, на самых коньках, застыли вырезанные из дерева мифические звери. Снег припорошил их спины, и казалось, что драконы и львы не просто украшают особняк, а тихо охраняют этот перекресток, укрываясь от сибирской выюги. Окна первого этажа светились теплым, домашним светом — там сейчас, скорее всего, кто-то варил глинтвейн или читал лекцию по сопромату.

Илья достал телефон, чтобы посмотреть время, и тут же убрал его обратно в теплый внутренний карман пуховика: на морозе литий-ионный аккумулятор садился за минуты.

Он двинулся дальше, в сторону улицы Фрунзе. Верхний город в это время суток был особенно тихим. Это была та самая «большая деревня», о которой с легкой иронией говорили сами жители. Пройдя пару кварталов, Илья неизбежно столкнулся с однокурсником.

— Эй, Илюха! Ты в «Территорию»? — окликнул его парень в огромной шапке с помпоном, таща на плече тяжелый рюкзак с чертежами.

— Нет, домой, в Нижний, — усмехнулся Илья. — А ты, смотрю, опять в Политехе засиделся?

— Да чертил до посинения. Ладно, не боле!

Они разошлись. Илья проводил его взглядом. Вокруг действительно было много студентов: из дверей кофейни на углу вышли две девушки, громко смеясь и кутаясь в пуховики, чуть поодаль парень с гитарой в чехле спешил на маршрутку. Томск жил за счет этой молодежи. Город не спал, потому что десятки тысяч парней и девчат постоянно нуждались в кофе, еде, месте для учебы и тусовок.

Свернув на Фрунзе, Илья оказался на том самом знаменитом перекрестке. **Дом Асташева (Фрунзе, 20/1)** возвышался на углу, словно тяжелый, основательный корабль, причаливший к берегу сибирского холма. Семь окон главного фасада смотрели на улицу строго и величественно. Дом был идеально отреставрирован, его бревна, казалось, дышали историей, но при этом выглядели абсолютно современными и ухоженными. Мимо дома, лавируя между сугробами, проезжал снегоуборочный трактор, разбрасывая соль и разрезая тишину натужным гудением дизеля.

Илья дошел до одного из крутых спусков, ведущих в Нижний город. Здесь начиналась настоящая географическая магия Томска. Верхняя часть города стояла на холмах, и каждый спуск вниз, к реке Томи, напоминал американские горки. Дорога резко пошла под уклон.

С каждым шагом менялся не только рельеф, но и сам воздух. Если наверху пахло хвоей из Университетской рощи и старым деревом купеческих особняков, то внизу, в Нижнем городе, пространство распаивалось. Здесь улицы становились шире, дома — выше и проще, а в воздухе появлялся запах реки и промышленной зоны. Нижний город исторически был рабочим, ремесленным, и эта его утилитарная, широкая душа чувствовалась в каждом кирпичном заборе и в размахе проспектов.

Спустившись к набережной Томи, Илья остановился у перил. Река замерзла еще в ноябре. Сейчас, под светом мощных прожекторов, ледяное поле казалось бесконечным, серо-белым и абсолютно неподвижным. На том берегу, в Заречье, горели огни спальных районов, отражаясь в черном, еще не до конца замерзшем плесе у самого берега.

Он посмотрел назад, вверх, на холм. Отсюда, снизу, Верхний город казался совсем другим. Сквозь деревья и фонари проглядывали красные кирпичные стены университетов и золотые купола. Томск не был красивым в привычном, парадном смысле. Он был настоящим. Суровым, требующим теплой одежды, крутых подъемов и умения ценить уют в каждом резном наличнике.

Илья повернул воротник куртки, глубоко вдохнул морозный, пахнувший снегом и рекой воздух, и пошел к остановке. Завтра в восемь утра первая пара, и Нижний город уже начал просыпаться, готовясь отправить своих жителей наверх, на холмы, к красному кирпичу и деревянным драконам.

Глава 2. Воскресенская гора и вид на излучину.

Утро в Томске начиналось не с солнца — солнце здесь зимой вообще гость редкий — а с серого, ровного света, который просачивался сквозь низкие облака и ложился на снег мягким, почти акварельным слоем. Илья поднялся по крутой лестнице на Воскресенскую гору, цепляясь рукой за холодные металлические перила. Лестница эта была знакома ему с первого курса: короткий путь из Нижнего города в Верхний, мимо исторического сердца Томска.

Именно здесь, на этом холме, в 1604 году поставили первые бревенчатые стены Томского острога. От самой крепости не осталось ничего — ни башен, ни стен, ни рвов. Но место чувствовалось. Холм держал в себе эту память так же, как старые сосны в Лагерном саду держат в себе сто лет тишины.

Илья остановился у перил смотровой площадки. Внизу, под холмом, Томь делала ту самую знаменитую излучину — плавный, широкий поворот, из-за которого реку и видно отсюда на несколько километров в обе стороны. Утром, в безветренную погоду, вода подо льдом казалась тёмно-серой, почти черной, а сам лёд — матовым, покрытым инеем. На том берегу, в Заречье, уже горели окна: город просыпался, выпускал в морозное утро первых маршрутки и спешащих на работу людей.

Он повернулся спиной к реке. Перед ним стояли два здания, которые томичи знали так же хорошо, как своё отражение в зеркале.

Первое — здание бывшей Городской управы. Каменное, двухэтажное, выкрашенное в спокойный светлый цвет, с ровными рядами окон и простым, строгим фасадом. Оно было построено в середине XIX века, и в нём действительно когда-то заседали городские головы, решали, где мостить улицы и где ставить фонари. Сейчас внутри работали какие-то учреждения, и утром у крыльца уже стояло несколько машин. Здание выглядело основательным, спокойным, таким, каким и должен быть дом, в котором больше полутора сотен лет принимают важные для города решения.

Рядом, чуть поодаль, возвышалась пожарная каланча — тонкая, высокая, с узкими бойницами и площадкой наверху. Одну из старейших в Сибири. Когда-то с её вершины дозорные высматривали дым — в деревянном Томске пожар был страшнее любого врага. Сейчас каланча стояла как памятник себе, как тонкий вертикальный акцент среди горизонтальных линий холма. Илья всегда любовался ею: в ней было что-то очень честное, рабоче-ремесленное, без всякой показной красоты.

Между управой и каланчей раскинулся небольшой сквер. Раньше здесь стоял величественный Успенский собор — главный храм старого Томска, с золотыми куполами, видными с реки. В тридцатые годы его разрушили. Сейчас на месте алтаря лежал закладной камень, а вокруг стояли простые скамейки и росли молодые берёзы. Илья не любил останавливаться здесь надолго: место было тихое, но какое-то оголённое, как зуб после того, как его вырвали. Он просто проходил сквозь сквер, опустив голову, и выходил к следующей лестнице.

С смотровой площадки доносился звук — где-то внизу, на набережной, уже работал снегоочиститель, тяжело урча двигателем. Река молчала. Город молчал. Только ветер, спускаясь с холма, шевелил ветки берёз в сквере и гнал по льду Томи редкие, сухие снежинки.

Илья поправил шапку, запахнул куртку и пошёл дальше, в сторону Университетской рощи. Воскресенская гора осталась за спиной — холм с красной кирпичной каланчой, светлым зданием управы и видом на излучину, который томичи показывали гостям первым. Не потому, что он был самым красивым. А потому, что с него начинался весь Томск.

Глава 3. Сосны на холме и вид на Томь.

Илья поднялся по широкой каменной лестнице, ведущей от проспекта Ленина вглубь парка. Здесь, на вершине холма, воздух был другим — чистым, напоённым запахом хвои, даже зимой, когда снег укрывал корни деревьев толстым белым одеялом.

Лагерный сад зимой был почти пустым. Летом, в тёплые вечера, сюда приходили студенты с пледами и термосами, играли на гитарах, смеялись. Но сейчас, в январе, в минус двадцать, парк принадлежал только тем, кто умел ценить тишину.

Вековые сосны стояли стеной — высокие, прямые, с рыжими стволами, которые темнели от влаги и мороза. Между ними, чуть поодаль, виднелись лиственницы — голые, тонкие, с мелкими ветками, покрытыми инеем. Снег лежал на них ровным слоем, и казалось, что деревья сделаны из белого фарфора.

Илья шёл по утоптанной тропинке, которая вела к смотровой площадке. Под ногами хрустел снег — тот самый, плотный, скрипучий, который бывает только в сибирские морозы. Он дышал медленно, стараясь не вдыхать слишком глубоко, чтобы не обжечь лёгкие.

Площадка открылась внезапно, за последним поворотом тропинки. Отсюда весь Томск ложился как на ладони — Нижний город, раскинувшийся широкими улицами к реке, Заречье на другом берегу Томи, промышленные окраины, уходящие к горизонту. В центре, на холмах, краснели кирпичные стены университетов, золотились купола храмов, темнели деревянные крыши старых особняков.

Илья остановился у деревянных перил и посмотрел вниз. Город отсюда казался маленьким, уютным, как игрушечный. Можно было разглядеть отдельные машины, ползущие по проспекту Ленина, можно было увидеть, как дымит труба на какой-нибудь котельной, можно было даже различить фигурки людей, спешащих по своим делам. Но звуков не было слышно — только ветер шелестел в сосновых ветках и где-то далеко, очень далеко, гудел город.

Он достал из кармана телефон, хотел сделать фото, но передумал. Камера не передавала этого ощущения — ощущения, что ты стоишь на вершине мира, что под тобой расстилается целая жизнь, и ты — часть её, но одновременно и наблюдатель.

Здесь, в парке, Томск был другим. Не шумным студенческим городом с кофейнями и барами, не суровым промышленным центром с заводскими трубами. Здесь он был тихим, задумчивым, как старый мудрый человек, который видел всё — и золотую купеческую эпоху, и годы забвения, и новое возрождение.

Илья постоял ещё немного, вдыхая морозный хвойный воздух, чувствуя, как холод пробивается сквозь куртку, но не обращая на это внимания. Ему нужно было побыть одному. Нужно было подумать.

Потом он повернулся и пошёл обратно, вниз, к лестнице, к шумному проспекту, к красному кирпичу и деревянным драконам. Парк оставался за спиной — тихий, сосновый, хранящий в себе сто лет тишины.

Глава 4. Университетская роща и липы XIX века.

От Лагерного сада до Университетской рощи было рукой подать — минут десять неспешным шагом через кварталы Верхнего города. Илья свернул с проспекта и сразу почувствовал, как меняется пространство. Здесь, между улицами, словно существовал свой отдельный мир — тихий, академический, с особым запахом старого кирпича и прелой листвы, которая даже зимой лежала под снегом тонким слоем.

Университетская роща была заложена ещё в конце XIX века, почти одновременно с первым университетом. Липы, которые росли здесь, были ровесниками тех студентов, что учились в этих стенах сто с лишним лет назад. Сейчас, зимой, деревья стояли голые, но их стволы — толстые, узловатые, с тёмной, почти чёрной корой — помнили и оттепели, и сорокаградусные морозы, и сотни поколений тех, кто спешил по этим аллеям с конспектами под мышкой.

Снег в роще был нетронутым только у самых деревьев. По центру аллеи тянулась утоптанная тропа — сюда каждое утро шли студенты. Илья узнавал их по походке: чуть сторбленные от тяжёлых рюкзаков, в наушниках, с термосами в руках. Некоторые садились на скамейки прямо на снегу, раскладывали ноутбуки и дорабатывали курсовые за час до семинара.

В глубине рощи, за поворотом, открывались главные корпуса ТГУ. Красный кирпич, тёмный от времени и сибирских ветров, высокие стрельчатые окна, башенки, узкие дымоходы — всё это выглядело так, будто кусок старого английского колледжа каким-то чудом перенесли в Сибирь. Илья всегда замедлял шаг, проходя мимо. Корпуса были построены больше ста лет назад, и в их стенах действительно учились первые сибирские профессора, здесь читали лекции учёные, которые потом становились академии.

Рядом, чуть поодаль, стояли здания Политеха — ТПУ. Тоже красные, тоже кирпичные, но более строгие, с индустриальным характером. Если ТГУ казался университетом гуманитарным, философским, то Политех выглядел как место, где рождались мосты, турбины и новые сплавы.

Илья свернул с аллеи и вошёл в Ботанический сад. Зимой он был закрыт для посетителей, но оранжереи работали круглый год. Через запотевшие стёкла можно было разглядеть силуэты пальм и экзотических растений — контраст был разительный: за окном минус двадцать три, а внутри, за тонким слоем стекла, жила вечная зелень. Сад был основан почти одновременно с университетом, и некоторые деревья в нём были посажены ещё в XIX веке.

Выходя из сада, Илья столкнулся с шумной компанией — первокурсники, видимо, только что сдали какой-то зачёт. Они громко смеялись, обсуждали, куда пойти пить кофе, и их голоса приятно нарушали тишину рощи.

— Илья! — окликнула его девушка в красном пуховике. — Ты в библиотеку?

— Да, надо статью дочитать.

— Мы потом в «Цех» зайдём, составишь компанию?

— Посмотрим, как пойдёт.

Он улыбнулся и пошёл дальше, к научной библиотеке. Вокруг него жил настоящий университетский город — со своими традициями, со своим ритмом, со своим особенным, интеллигентным духом. Томск был бы совсем другим без этих липовых аллей, без красных кирпичных стен, без тысяч студентов, которые каждое утро спешили сюда, через рощу, к своим лабораториям и аудиториям.

Библиотека встретила его тёплым, сухим воздухом и запахом старой бумаги. Илья снял куртку, достал из рюкзака книгу и сел у окна, выходившего на ту самую аллею. За окном продолжал падать снег — мелкий, сухой, сибирский. Липы стояли неподвижно, а где-то между

их стволов виднелась красная стена главного корпуса, который простоял здесь больше века и, казалось, просто врос в эту землю, в этот город, в эту историю.

Илья открыл книгу. В библиотеке было тихо — только шелестели страницы, тихо скрипел пол под ногами библиотекаря, где-то в глубине зала кто-то тихо разговаривал. За окном продолжал жить Томск — с его драконами на крышах, с его холмами и излучинами, с его соснами и липами. И Илья, как и сотни других студентов, был частью этого города. Просто сидел у окна, читал статью и пил остывающий чай из термоса.

Глава 5. Подвалы научной библиотеки.

Библиотека ТГУ встретила Илью тёплым, сухим воздухом и запахом старой бумаги. Он снял куртку, достал из рюкзака книгу и сел у окна, выходящего на Университетскую рощу. За окном продолжал падать снег — мелкий, сухой, сибирский. Липы стояли неподвижно, а где-то между их стволов виднелась красная стена главного корпуса.

Илья открыл книгу и начал читать. Но слова не складывались в смысл. Буквы расплывались перед глазами, и он ловил себя на том, что снова и снова перечитывал одну и ту же строчку. Тишина в читальном зале была густой, почти осязаемой. Слышно было только тихое шуршание переворачиваемых страниц да редкий скрип стула.

Он посмотрел на часы — половина шестого. Библиотека закрывалась в восемь. Вокруг сидели студенты — кто-то печатал на ноутбуке, кто-то спал, уткнувшись лицом в конспекты. Всё было обычно. Слишком обычно.

Илья заметил странность, когда поднял голову, чтобы размять шею. Напротив, за соседним столом, сидел парень. Илья не видел, как он вошёл. Просто моргнул — и парень уже был там. Он сидел неподвижно, глядя в пустоту перед собой. На нём было странное пальто — тёмное, тяжёлое, из грубой шерсти, явно не современной модели, больше похожее на одежду из музейных экспозиций тридцатых годов.

Илья хотел отвести взгляд, но почувствовал, что парень смотрит прямо на него. Не поворачивая головы. Просто глаза, тёмные и уставшие, были направлены точно в лицо Ильи.

— Ты ведь тоже их слышишь? — голос прозвучал тихо, но в тишине зала он отдался эхом.

Илья оглянулся. Никто другой не реагировал. Студенты продолжали писать, спать, читать.

— Кого? — шёпотом спросил Илья, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

Парень медленно, очень медленно повернул голову. Лицо его было бледным, почти серым, с глубокими тенями под глазами.

— Тех, кто пишет внизу, — сказал он. — В подвале.

Илья хотел спросить, что за чушь, но язык не слушался. Парень вдруг встал. Движения его были плавными, неестественными, словно он двигался в воде. Он подошёл к столу Ильи и положил перед ним тонкую тетрадь в чёрном переплёте.

— Прочитай последнюю страницу. Только быстро. Пока они не заметили, что ты смотришь.

Прежде чем Илья успел возразить, парень развернулся и пошёл к выходу. Он не шёл, а словно плыл между рядами стеллажей, и через секунду растворился в тени дальнего угла.

Илья остался один. Перед ним лежала чёрная тетрадь. Руки дрожали. Он знал, что должен встать и уйти. Но любопытство, липкое и опасное, тянуло его к книге. Он открыл её.

Страницы были заполнены рукописным текстом. Почерк был мелким, нервным, буквы плясали. Илья начал читать первые строки и почувствовал, как холодеют пальцы. Это был дневник. Дата первой записи — 12 октября 1987 года.

«Сегодня я нашёл вход. Он замурован за стеллажом №402 в секторе "Редкий фонд". Но камень шатается. Оттуда идёт воздух. Холодный, сырой. И запах... запах мокрой земли и чего-то сладкого, как гниющие цветы».

Илья листал дальше. Записи становились всё более бессвязными. Автор писал о голосах, которые звучат в вентиляции. О тенях, которые движутся быстрее света. О том, что книги в подвале едят сами себя, забирая память у тех, кто их читает.

Последняя запись была сделана вчера.

«Они знают, что я здесь. Они ждут нового читателя. Если ты читаешь это — не оборачивайся. Не смотри в зеркало на стене. И не спускайся в подвал. Они уже идут за тобой».

Илья резко захлопнул тетрадь. Сердце колотилось так, что боль отдавала в виски. Он огляделся. Зал был пуст. Студенты исчезли. Свет мигнул и погас, оставив только аварийное освещение — тусклые зелёные лампочки над выходами.

Тишина стала звенящей. И тут он услышал звук. Не стук. А скрежет. Как будто кто-то медленно волочил тяжёлый предмет по бетонному полу. Звук шёл снизу. Из подвала.

Илья схватил рюкзак и бросился к выходу. Но дверь, ведущая на лестницу, была заперта. Он дёрнул ручку — бесполезно. Через стекло двери он увидел коридор. Он был пуст. Но на полу, прямо перед дверью, лежала та самая чёрная тетрадь. Хотя он только что держал её в руках.

Записка на первой странице изменилась. Теперь там было написано всего одно слово, крупными, размашистыми буквами:

СПУСТИСЬ.

Лампочка над головой Ильи зашипела и погасла окончательно. В темноте, где-то далеко внизу, раздался глухой удар. Раз. Два. Три.

Илья понял, что выхода нет. Есть только вниз.

Глава 6. Сектор «Редкий фонд».

Темнота в библиотеке была не просто отсутствием света. Она была живой — густой, тяжёлой, давящей на плечи. Илья стоял у запертой двери, чувствуя, как холод пробирается сквозь куртку. Стук внизу повторялся — раз, два, три — пауза — раз, два, три. Ритмичный, как метроном, как сердцебиение чего-то огромного.

Он достал телефон. Экран загорелся, осветив коридор тусклым синеватым светом. Батарея — четыре процента. Илья включил фонарик. Луч выхватил из темноты дверь, ведущую вниз, в подвал. Она была приоткрыта. Раньше она была заперта — он точно помнил это.

За дверью начиналась лестница. Узкая, крутая, с облупившейся краской на стенах. Воздух снизу был другим — сырым, холодным, с тем самым запахом мокрой земли и гниющих цветов, который описывал автор дневника.

Илья сделал первый шаг вниз. Ступеньки скрипели под ногами. Где-то далеко, в глубине подвала, что-то капало — тихие, ритмичные удары воды о бетон. Он спускался медленно, держась рукой за холодные металлические перила. Свет телефона выхватывал из темноты фрагменты: ржавую трубу, облупившуюся стену, паутины, покрытые инеем.

Лестница закончилась. Перед ним был длинный коридор, уходящий в темноту. По обеим сторонам — ряды металлических стеллажей, забитых книгами. Некоторые коробки были подписаны: "1952", "1967", "1983". Воздух здесь был настолько тяжёлым, что казалось, будто дышать нужно усилием воли.

Илья пошёл вперёд. Луч фонарика метался по стеллажам. Книги были старые, в тёмных переплётах, многие без названий. Некоторые выглядели так, будто их трогали десятилетиями — пыль лежала на них толстым слоем. Но другие были чистыми, словно их только что принесли.

Он нашёл **стеллаж №402** в конце коридора, за поворотом. Он отличался от других — был старым, деревянным, не металлическим. Камень в основании действительно шатался. Илья наклонился и потянул его. Камень поддался с глухим звуком, и из отверстия хлынул холодный воздух — такой холодный, что обжёг лицо.

За камнем был проход. Низкий, узкий, приходилось идти согнувшись. Илья включил фонарик на полную яркость. Тоннель вёл вниз, под углом. Стены были земляными, сырыми, местами виднелись старые кирпичи — остатки какой-то давней кладки.

Тоннель вывел его в небольшую комнату. Низкий потолок, земляной пол, в центре — старый деревянный стол, а на столе — стопка тетрадей. Рядом стояла керосиновая лампа, ещё тёплая. Кто-то был здесь совсем недавно.

Илья подошёл к столу. Он открыл верхнюю тетрадь. Это был тот же почерк, что и в дневнике — мелкий, нервный. Но дата была другая — сегодня.

«Он пришёл. Я видел, как он спускался. Он ещё не понимает, но он уже часть этого места. Стены запомнили его шаги. Воздух запомнил его дыхание. Скоро он станет одним из нас».

Илья захлопнул тетрадь. Руки дрожали. Он обернулся — и увидел, что проход, через который он вошёл, исчез. Вместо него была сплошная кирпичная стена, старая, покрытая плесенью, словно она стояла здесь десятилетиями.

Он был в ловушке.

Паника ударила в голову. Он бросился к стене, начал искать проход, щели, что угодно. Но стена была монолитной. Он стучал по ней кулаками, кричал — но звук тонул в земле, как будто комната была заглушена.

Потом он услышал голоса.

Не один. Много. Они шли отовсюду — из стен, из пола, из потолка. Шёпот, тихий, неразборчивый, но становящийся всё громче. Илья прижался к стене, закрыл уши, но голоса проникали сквозь пальцы, прямо в мозг.

«Останься...»

«Читай...»

«Пиши...»

«Ты теперь один из нас...»

Илья посмотрел на стол. Тетради лежали там, где он их оставил. Но рядом появилась ещё одна — чистая, с его именем на обложке. Написанным его почерком.

Он понял. Это не было наваждением. Это было место. Место, которое забирало людей. Которое заставляло их писать, читать, оставаться. Парень в пальто не был призраком — он был пленником. Как и те, кто писал эти тетради до него. Как и он сам теперь.

Голоса становились громче. Илья чувствовал, как что-то давит на него — не физически, а ментально. Как будто кто-то забирался ему в голову, перебирал воспоминания, искал, за что зацепиться.

Он схватил тетрадь со своим именем. Открыл. Первая страница была чистой. Рядом на столе лежала ручка — старая, с перьевым кончиком, с чернильницей.

Илья понял, что у него есть выбор. Он мог начать писать. Мог описать всё, что с ним произошло. И тогда, может быть, он станет частью этого места навсегда. Или он мог отказаться. Мог разорвать тетрадь, сломать ручку, кричать, биться о стены. Но голоса уже были слишком сильными. Они давили на сознание, размывали мысли, стирали границы между реальностью и безумием.

Он взял ручку. Чернила были чёрными, густыми, с странным сладковатым запахом. Он прикоснулся пером к бумаге.

И тут он услышал — за стеной, там, откуда он пришёл, раздался звук. Не стук. А голос. Реальный, живой, человеческий голос.

— Илья! Илья, ты там?!

Это был тот самый однокурсник, с которым он столкнулся вчера вечером. Тот, что шёл в "Территорию".

Илья бросил ручку. Он ударил по стене кулаками, закричал:

— Я здесь! Помогите!

Стена затрещала. Кирпичи начали сыпаться. Голоса в его голове завывали — зло, требовательно. Но Илья не слушал их. Он бил по стене, раз за разом, пока не пробил дыру.

С другой стороны был коридор. Нормальный, с металлическими стеллажами, с электрическим светом. И его однокурсник стоял там, с фонариком в руке, с испуганным лицом.

— Боже, Илюха, ты как сюда попал? Мы тебя везде искали! Библиотека закрылась час назад!

Илья вывалился из прохода. Он оглянулся. Стена за его спиной была целой. Никакой дыры. Никакой комнаты. Только старый деревянный **стеллаж №402**, забитый книгами.

— Я... я не знаю, — прохрипел он. — Я спустился в подвал...

— В подвал? — однокурсник посмотрел на него странно. — Илюха, подвалы библиотеки закрыты уже лет двадцать. Там даже двери заколочены.

Илья посмотрел на свои руки. Они были в пыли, в царапинах. Он посмотрел на карман куртки. Там лежала та самая чёрная тетрадь. И ручка с перьевым кончиком.

Он не сказал ничего. Он просто пошёл к выходу, шатаясь, держась за стену. Однокурсник шёл рядом, что-то говорил, но Илья не слышал.

На улице шёл снег. Фонари горели ярко. Город жил своей обычной жизнью. Но Илья знал — он изменился. Что-то осталось там, в подвале. Часть его памяти, часть его мыслей. И он знал, что тетрадь в кармане не пустая.

Он достал её, открыл. На первой странице было написано его почерком, но не его словами:

«Я вернулся. Но я не один. Они идут за мной. И они знают, где я живу».

Илья посмотрел вокруг. На улице не было никого. Но он чувствовал — за ним наблюдают. Из окон домов, из теней подворотен, из темноты между фонарями. Томск был тем же. Но Илья больше не был прежним.

Глава 7. Тетрадь в кармане.

Илья шёл домой и крутил в голове одну мысль: "Это какой-то бред".

Он достал тетрадь из кармана, открыл. Страницы были чистыми. Кроме первой, где было написано: **«Я вернулся. Но я не один. Они идут за мной. И они знают, где я живу».**

— Ну ок, — сказал Илья вслух, глядя на тетрадь. — Допустим, это чей-то прикол. Или галлюцинации от переутомления. Но факт остаётся фактом — я нашёл тетрадь в подвале, которой там быть не должно. Значит, есть логическое объяснение.

Он дошёл до дома, поднялся на четвёртый этаж, бросил куртку на стул. Тетрадь положил на стол. Сел напротив, скрестил руки на груди.

— Ладно, — сказал он тетради. — Давай разбираться.

Он открыл ноутбук, начал гуглить. "Библиотека ТГУ подвалы", "стеллаж 402", "чёрные тетради". Ничего. Только форумы с байками про призраков и мемы про сессию.

— Отлично, — пробормотал Илья. — Значит, это локальная легенда. Студенты придумали, чтобы первокурсников пугать.

Он закрыл ноутбук, посмотрел на тетрадь. Страницы всё ещё были чистыми.

— Так, — сказал он. — Гипотеза номер один: это чей-то арт-проект. Кто-то оставил тетрадь, чтобы создать мистическую атмосферу. Гипотеза номер два: я устал, мне показалось. Гипотеза номер три...

Он не успел закончить мысль, потому что заметил — на второй странице появились новые слова. Его почерком, но он не писал их:

«Ты думаешь, что выбрался. Но ты только открыл дверь. Теперь мы знаем путь».

Илья моргнул. Потом усмехнулся.

— О'кей, — сказал он. — Значит, кто-то реально пишет в этой тетради. Пока я не смотрю. Вопрос — кто и как?

Он встал, обошёл комнату. Проверил окна — закрыты. Дверь — заперта. Вентиляция — слишком узкая, чтобы кто-то мог пролезть.

— Так, — сказал он. — Значит, это не физическое проникновение. Кто-то имеет доступ к тетради, когда я не вижу. Но как?

Он взял тетрадь, понюхал. Пахло старой бумагой и чем-то сладковатым, как в подвале.

— Ладно, — сказал он. — Раз тетрадь сама по себе пишет, значит, нужно найти того, кто её оставил. Того парня в пальто. Или ту библиотекаршу. Они точно что-то знают.

Он достал телефон, написал Диме: **"Слушай, ты не знаешь, где найти ту старую библиотекаршу, которая в редком фонде работала? Мне нужно с ней поговорить."**

Дима ответил через минуту: **"Ты серьёзно? Илюха, это плохая идея. Она не любит, когда её беспокоят."**

"Мне нужно. Это важно."

"Она живёт на Московском тракте, в старом доме с мезонином. Спроси у местных. Но будь осторожен, она... странная."

Илья усмехнулся. "Странная" — это мягко сказано, учитывая, что она забрала у него книгу в читальном зале и сказала, что тетрадь "для записей, которые пишутся сами".

Он оделся, сунул тетрадь в рюкзак и вышел.

На улице было темно, снег шёл крупными хлопьями. Илья шёл быстро, думая. Он не боялся — он был заинтригован. Это была загадка, а он не мог оставить загадку нерешённой. Это было в его характере — если что-то не сходилось, он копал, пока не находил ответ.

Он дошёл до Московского тракта, нашёл дом с мезонином. Постучал. Дверь открыла та самая женщина — пожилая, строгая, в очках на цепочке.

— Ты нашёл тетрадь, — сказала она. Не вопрос. Утверждение.

— Да, — сказал Илья. — И мне нужно понять, что это.

— Заходи.

Он вошёл. Внутри было тепло, пахло старыми книгами и травами. Она села в кресло, указала ему на стул.

— Покажи.

Илья достал тетрадь, положил на стол. Она открыла её, посмотрела на страницы. Потом закрыла.

— Ты читал?

— Да. Там написано, что я "открыл дверь" и что "они знают путь". Что это значит?

Она посмотрела на него долго. Потом сказала тихо:

— Это не просто тетрадь. Это дверь. Ты открыл её, когда спустился в подвал. Теперь они видят тебя. И ты видишь их.

— Кто "они"?

— Те, кто остался внизу. В подвалах. В тридцатые годы там прятали людей. Ссылных, неугодных. Они писали. Писали всё, что помнили. А когда умирали, их тетради складывали в те же комнаты. Говорят, там до сих пор кто-то есть. Не живые. Но и не мёртвые.

Илья кивнул.

— Понятно. То есть это коллективная галлюцинация? Или психологический феномен? Место, которое влияет на сознание?

Женщина моргнула.

— Что?

— Ну, — сказал Илья, — если предположить, что в подвале была какая-то аномалия — электромагнитное поле, например, или грибок, который влияет на мозг, — то вполне возможно, что люди, которые там находятся, начинают видеть одно и то же. И писать одно и то же. Это называется индуцированный психоз.

Женщина посмотрела на него, как на сумасшедшего.

— Ты... ты не понимаешь. Это не психоз. Это реально.

— Хорошо, — сказал Илья. — Допустим, это реально. Тогда вопрос — как это работает? Какой механизм? Если есть явление, должна быть причина.

Она встала, подошла к окну, посмотрела на улицу.

— Ты хочешь логическое объяснение? Хорошо. Вот тебе логика. В тридцатые годы в подвалах библиотеки держали людей. Они писали. Писали до смерти. Их тетради складывали в те же комнаты. Прошли десятилетия. Но что-то осталось. Не духи. Не призраки. А память. Память места. И когда кто-то спускается туда, кто-то, кто слишком много читает, слишком глубоко смотрит, — эта память активизируется. И человек начинает писать. Потому что место требует, чтобы его помнили.

Илья задумался.

— То есть это что-то вроде психологического триггера? Место, которое заставляет людей определённым образом себя вести?

— Можешь называть это так, — сказала она. — Но факт остаётся фактом — ты нашёл тетрадь. И она пишет. И ты не можешь это игнорировать.

— Почему не могу?

— Потому что если ты игнорируешь, они придут за тобой. Не сразу. Но придут. Ты будешь видеть их везде. В окнах, в отражениях, в тенях. И однажды ты не выдержишь.

Илья усмехнулся.

— Слушайте, я не верю в мистику. Я верю в факты. Факт номер один: я нашёл тетрадь. Факт номер два: в ней появляются слова. Факт номер три: вы утверждаете, что это связано с подвалом. Вопрос — как это доказать?

Она посмотрела на него долго. Потом сказала тихо:

— Есть только один способ. Ты должен вернуться туда. В ту комнату. И сжечь тетрадь на столе.

— И что произойдёт?

— Дверь закроется. И ты больше не будешь видеть их.

— А если я не вернусь?

— Тогда они придут за тобой.

Илья кивнул.

— Хорошо. Я вернусь. Сегодня ночью.

Она посмотрела на него странно.

— Ты... ты не боишься?

— Нет, — сказал Илья. — Я хочу понять, что происходит. Если это реально, я хочу увидеть механизм. Если это галлюцинация, я хочу понять, почему она возникает. В любом случае, мне нужно вернуться.

Она достала из шкафа спички, положила их ему в руку.

— Иди. Ночью. Когда город спит. И не оглядывайся.

Илья вышел. Он шёл к университету, думая. Он не боялся — он был любопытен. Это была загадка, и он хотел её разгадать.

Он дошёл до библиотеки. Здание было тёмным, закрытым. Но он нашёл дверь, которая вела в подвал. Она была приоткрыта.

Он спустился. Коридор был пуст, стеллажи стояли рядами. Он нашёл **стеллаж №402**. Камень шатался. Он потянул его — и проход открылся.

Илья вошёл. Тоннель был тёмным, сырым. Он шёл, держась за стены. Тетрадь в рюкзаке лежала тихо.

Он дошёл до комнаты. Стол стоял там же. На нём лежали тетради. Он достал свою, положил на стол. Достал спички.

Чиркнул. Огонёк вспыхнул, осветил комнату. Илья поднёс его к тетради.

И тут он услышал голоса.

Много голосов. Они шли отовсюду — из стен, из пола, из потолка.

«Не надо...»

«Останься...»

«Мы ждали тебя...»

Илья остановился. Он посмотрел на тетрадь. Потом на спичку.

— Так, — сказал он вслух. — Голоса. Значит, это не просто визуальные галлюцинации. Аудиальные тоже есть. Интересно.

Он опустил спичку к бумаге.

И тут дверь за его спиной захлопнулась.

Илья обернулся. Прохода не было. Только стена.

Он был в ловушке.

Голоса стали громче. Тетрадь на столе раскрылась сама. Страницы начали заполняться — быстро, как будто невидимая рука писала.

Илья посмотрел на последнюю страницу. Там было написано:

«Ты вернулся. Теперь ты один из нас. Пиши.»

Ручка с перьевым кончиком лежала рядом. Чернила были чёрными, густые.

Илья посмотрел на ручку. Потом на тетрадь. Потом на стену.

— Ладно, — сказал он. — Допустим, я в ловушке. Допустим, это реально. Тогда вопрос — как отсюда выбраться?

Он подошёл к стене, постучал по ней. Звук был глухой. Кирпич.

— Так, — сказал он. — Значит, это не галлюцинация. Галлюцинации не создают физических препятствий. Значит, это что-то другое.

Он посмотрел на тетрадь. Страницы всё ещё заполнялись.

— Хорошо, — сказал он. — Вы хотите, чтобы я писал? Ок. Я буду писать. Но я буду писать то, что хочу.

Он взял ручку. Открыл тетрадь на чистой странице. И начал писать.

Он писал о Томске. О драконах на крышах. О красном кирпиче. О липах в роще. О реке, которая дышит подо льдом. О подвалах, которые помнят всё.

Он писал, и не мог остановиться.

Потому что он понял — если он перестанет писать, голоса станут громче. А так он хотя бы контролировал ситуацию. Он писал свою историю. Свою версию событий.

Он писал всю ночь. И всю следующую. И ещё.

А в комнате, наверху, в читальном зале, на столе у окна появилась новая тетрадь. Чёрная, в твёрдом переплёте.

Студенты находили её. Читали. И некоторые — те, кто слишком много читал, кто слишком глубоко смотрел в окна, — исчезали.

А Томск продолжал жить. С его драконами, с его красным кирпичом, с его липами и рекой.

И с его подвалами, которые помнили всё.

Глава 8. Старый Крест.

Илья писал. Ручка скользила по бумаге, и слова складывались в историю — его историю, его Томск. Голоса в стенах постепенно стихали, становились тише, пока не превратились в едва слышный фон — как шум ветра за окном или далёкий гул города.

Он писал уже несколько часов. Рука начала уставать, пальцы затекли. Он остановился, посмотрел на страницу. Буквы были ровными, аккуратными — он всегда следил за почерком, даже когда писал черновик. Перфекционизм, ничего не поделаешь.

— Ладно, — сказал он вслух. — Пауза.

Он отложил ручку, потянулся, хрустнул шеей. Комната была всё той же — низкий потолок, земляной пол, стол с тетрадами. Но что-то изменилось. Воздух стал легче. Голоса почти исчезли.

Илья достал из кармана телефон. Экран загорелся — батарея всё ещё держалась, процентов пятнадцать осталось. Он усмехнулся: "Ну хоть что-то работает нормально в этом месте".

Он открыл плеер. Плейлист был коротким — всего несколько треков, но один из них он слушал чаще всего. "Старый Крест". Его любимый гимн. Песня, которая всегда возвращала его в нормальное состояние, когда мир казался слишком сложным или слишком странным.

Он надел наушники, поставил трек на повтор и нажал **play**.

Первые аккорды раздались в ушах — чистые, звонкие, как утренний свет. Гитара, голос, слова:

«На далеком холме старый крест виден мне...»

Илья закрыл глаза. Он слушал эту песню сотни раз, но каждый раз она звучала как впервые. Как будто музыка несла в себе что-то большее, чем просто ноты и слова.

И тут он почувствовал изменение.

Сначала — свет. Тусклый, жёлтый свет керосиновой лампы на столе начал меняться. Он становился ярче, чище, белее. Как будто кто-то включил невидимый прожектор, который залил комнату ровным, мягким сиянием.

Илья открыл глаза. Комната менялась.

Стены, которые ещё минуту назад были низкими, давящими, земляными, начали расходиться. Потолок поднимался. Пространство расширялось, становилось шире, выше, свободнее. Земляной пол превращался в деревянный — старый, но чистый, покрытый лаком. Стены из кирпича и земли становились белыми, оштукатуренными, с высокими окнами, через которые лился тот самый мягкий свет.

Илья встал. Он стоял посреди большой, светлой комнаты. Высокие потолки, белые стены, деревянные полы. Окна выходили куда-то наружу — он видел небо, голубое, чистое, с редкими облаками. Воздух был свежим, пахло не сыростью и плесенью, а деревом, книгами и чем-то ещё — чем-то тёплым, домашним.

Он снял наушники. Музыка продолжала играть, но теперь она звучала не только в ушах — она заполняла всю комнату, как будто стены сами стали динамиками.

— Ну ок, — сказал Илья. — Это уже интересно.

Он обошёл комнату. Она была пустой, если не считать стола посередине — того самого стола, за которым он писал. Но теперь на столе не было старых тетрадей. Только одна — его, чёрная, открытая на последней странице.

Илья подошёл к окну. За стеклом был не подвал и не тоннель. Был город. Томск. Но другой. Он видел улицы, дома, деревья — всё было узнаваемым, но как будто очищенным, отфильтрованным. Не было серости, не было зимней хмури. Город выглядел так, как будто его видели сквозь призму хорошей музыки — ярким, живым, настоящим.

— Так, — сказал Илья. — Значит, музыка меняет пространство. Или моё восприятие пространства. Или и то, и другое.

Он вернулся к столу, сел. Посмотрел на тетрадь. Страницы были чистыми. Слова, которые появлялись сами, исчезли.

— Хорошо, — сказал он. — Значит, правило простое: когда играет музыка, всё нормально. Когда музыка выключается — всё возвращается.

Он нажал паузу.

Комната сразу начала сжиматься. Потолок опустился, стены сузились, свет стал тусклым, жёлтым. Запах сырости вернулся.

Илья нажал **play**.

Свет вернулся. Комната расширилась. Всё стало нормально.

— Отлично, — сказал он. — Я нашёл управление.

Он сидел, слушал музыку, смотрел в окно на изменённый Томск. Город за стеклом был красивым. Не таким, как в реальности — с его суровостью, с его холодом, с его сложной историей. А таким, каким он мог бы быть, если бы убрать всё лишнее, оставить только суть.

— Знаешь, — сказал Илья тетради, — мне нравится эта версия.

Он открыл тетрадь на чистой странице. Взял ручку. И начал писать.

Но теперь он писал не о страхе, не о ловушке, не о голосах. Он писал о Томске. О настоящем Томске. О том, каким он его видел — не через призму мистики, а через призму музыки.

Он писал о драконах на крышах, которые охраняют город. О красном кирпиче университетов, который помнит сотни поколений студентов. О липах в роще, которые шелестят даже зимой. О реке, которая дышит подо льдом, но не злобно, а спокойно, как спящий великан.

Он писал о людях. О студентах, которые спешат на пары. О бабушках на лавочках. О стариках с удочками на набережной. О том, как город живёт — тихо, спокойно, уверенно.

Он писал, и музыка играла, и комната оставалась светлой.

А где-то там, наверху, в реальном Томске, продолжал идти снег. Продолжали гореть фонари. Продолжали жить люди, которые не знали про подвалы, про тетради, про голоса.

Но Илья знал. И теперь он знал ещё одно — что у него есть способ управлять этим местом. Способ делать его светлым. Способ превращать тьму в свет.

И он собирался этим воспользоваться.

Глава 9. Светлый Томск.

Илья писал, и музыка играла, и комната оставалась светлой. Он уже не чувствовал себя в ловушке — наоборот, он чувствовал себя как дома. Белые стены, высокие окна, запах дерева и книг — всё это было уютным, спокойным.

Он остановился, чтобы перевести дух, и посмотрел на тетрадь. На следующей странице, там, где он не писал, появились новые строки. Но это были не слова. Это были ноты.

Илья наклонился ближе. Ноты были написаны аккуратно, чётко — кто-то явно знал, что делает. Рядом с нотами было название: **"Великий Бог"**. Христианский гимн.

— Ого, — сказал он. — Это уже интересно.

Он посмотрел на ноты. Мелодия была знакомой — он слышал её в церкви. Это был один из гимнов, которые они пели по воскресеньям. Но здесь ноты были другими — как будто кто-то переписал их заново, добавил что-то своё.

Илья достал телефон, открыл приложение-пианино. Он начал наигрывать мелодию по нотам из тетради. Звуки заполнили комнату — чистые, светлые, возвышенные. И когда он играл, комната изменилась снова.

Стены стали ещё светлее. В воздухе появилось что-то — невидимое, но ощутимое. Как будто кто-то дышал вместе с ним. Как будто музыка открыла что-то большее.

На последней странице тетради появилось новое сообщение:

"Выйди через дверь. Там тебя ждут."

Илья посмотрел вокруг. Двери в комнате не было — он это точно помнил. Но когда он посмотрел на стену напротив окна, там была дверь. Простая, деревянная, с латунной ручкой.

— Ладно, — сказал он. — Почему бы и нет.

Он встал, подошёл к двери, открыл её. За ней был не тоннель и не подвал. Был коридор — светлый, чистый, с белыми стенами и деревянным полом. В конце коридора виднелся выход — яркое солнце, голубое небо.

Илья шагнул в коридор. Дверь за его спиной закрылась, но он не испугался. Он шёл вперёд, к свету.

Он вышел на улицу.

Это был Томск. Но не тот Томск, который он знал. Не зимний, не серый, не холодный. Это был летний Томск — тёплый, солнечный, залитый светом. Липы в роще были зелёными, густыми. Красный кирпич университетов блестел на солнце. Река Томь внизу, в излучине, была синей, живой.

— Ну ок, — сказал Илья. — Это уже совсем другое дело.

Он шёл по улице. Люди проходили мимо — студенты, бабушки, дети. Все улыбались, все были спокойными. Никто не спешил, никто не хмурился. Город жил в каком-то своём ритме — медленном, уверенном, радостном.

Илья свернул на проспект Ленина и пошёл в сторону центра. Он не знал, куда именно идёт, но чувствовал — его ждут.

Он дошёл до небольшой площади и увидел здание. Это была церковь — простая, белая, без куполов и икон. Высокие окна, деревянная дверь, скромный крест над входом. Перед церковью был небольшой дворик с клумбами, скамейками, старыми деревьями.

Илья подошёл к двери. Она была открыта. Он вошёл.

Внутри было светло, тихо. Ряды деревянных скамей, впереди — простая кафедра с открытой Библией. Никаких икон, никаких свечей, никакого ладана. Только свет, льющийся из окон, и тишина, в которой чувствовалось присутствие чего-то большего.

У кафедры стоял человек — мужчина лет пятидесяти, в простом костюме, с добрым лицом и седыми волосами. В руках он держал Библию.

— Здравствуй, Илья, — сказал он.

Илья остановился.

— Вы меня знаете?

Пастор улыбнулся.

— Конечно. Мы тебя ждали.

Илья подошёл ближе.

— Кто вы?

— Я пастор этой церкви. А ты — гость из другого места. Из того, где холодно и темно. Но ты принёс с собой свет. Музыку.

Илья кивнул.

— Я понял. Музыка меняет всё.

— Не только музыка, — сказал пастор. — Вера. Надежда. Любовь. Это то, что делает мир светлым. Ты нашёл способ видеть это. И теперь ты можешь поделиться этим с другими.

Он подошёл к кафедре, достал из ящика небольшую коробку, перевязанную лентой.

— Это для пастора твоей церкви. Для той, в которой ты служишь по пятницам и воскресеньям. Передай ему.

Илья взял коробку. Она была лёгкой, но что-то в ней было — он чувствовал это.

— Что внутри?

— Послание, — сказал пастор. — То, что нужно твоей общине. То, что поможет им увидеть свет.

Илья посмотрел на коробку, потом на пастора.

— Спасибо. Но... как мне вернуться?

Пастор улыбнулся.

— Ты уже знаешь ответ. Музыка. Вера. Ты сам создал этот мир. Ты можешь вернуться туда, откуда пришёл. Но теперь ты знаешь — там тоже может быть свет. Если ты принесёшь его с собой.

Илья кивнул. Он посмотрел вокруг — на белую церковь, на кафедру с Библией, на голубое небо за окнами.

— Это красиво, — сказал он.

— Это правда, — ответил пастор. — Но твоя правда — там. В том Томске. В том мире, где холодно и темно. Там тоже есть свет. Просто его нужно искать.

Илья улыбнулся.

— Хорошо. Я пойду.

— Иди, — сказал пастор. — И не забывай — музыка всегда с тобой.

Илья вышел из церкви. Солнце светило ярко, липы шелестели, город жил. Он достал телефон, открыл плеер. **"Старый Крест"** всё ещё играл.

Он нажал паузу.

Мир вокруг начал меняться. Лето уходило, возвращалась зима. Свет тускнел, серость возвращалась. Но Илья не боялся. Потому что он знал — свет не исчез. Он просто ждёт, когда его включат снова.

Он стоял на улице. Был вечер. Шёл снег. Фонари горели тускло. Город был холодным, суровым, настоящим.

Но в кармане у Ильи лежала коробка. И в телефоне играла музыка. И в сердце была уверенность — он принёс свет. И теперь он знал, как им поделиться.

Он пошёл домой. Завтра была пятница. Служение. И у него было послание для пастора. Послание из светлого Томска. Послание о том, что даже в самом тёмном месте можно найти свет. Нужно только включить музыку.

Глава 10. Пятница, вечернее служение.

Утро пятницы началось как обычно. Илья проснулся в своей квартире в Нижнем городе, сделал кофе, открыл ноутбук и проверил расписание. Днём — две пары в ТГУ, вечером — служение. Он привык к этому ритму: учёба, город, церковь. Три круга, которые держали его жизнь в равновесии.

Но сегодня было кое-что другое. На столе лежала коробка. Та самая, которую он получил от пастора в светлом Томске. Она стояла там с вечера — простая, белая, перевязанная тонкой лентой. Илья смотрел на неё, пока пил кофе, и думал: "Это реально произошло? Или мне приснилось?"

Он взял коробку в руки. Она была тёплой. Не комнатной температуры — именно тёплой, как будто внутри что-то жило. Он не открывал её. Пастор сказал передать — значит, передаст. Не его дело заглядывать внутрь.

На пары он шёл через Университетскую рощу. Снег за ночь выпал свежий, липы стояли в белых шапках, красные стены корпусов казались ещё ярче на фоне белизны. Илья шёл быстро, в наушниках играл "Старый Крест", и мир вокруг был просто миром — холодным, красивым, настоящим. Никаких голосов из стен. Никаких теней. Только снег под ногами и пар изо рта.

После пар он зашёл в кофейню на углу Фрунзе, взял американо и сел у окна. Достал тетрадь — ту самую, чёрную. Открыл. Страницы были чистыми. Ни одной новой записи. Ни одного слова, написанного не им.

— Значит, работает, — пробормотал он.

Он закрыл тетрадь, допил кофе и пошёл домой готовиться к служению.

Церковь, в которой Илья служил по пятницам и воскресеньям, находилась в старом кирпичном здании на одной из тихих улиц Верхнего города. Небольшое помещение, переоборудованное из бывшего склада: белые стены, простые деревянные стулья, впереди — кафедра и экран для проектора. Над входом — скромный деревянный крест. Без куполов, без свечей, без позолоты. Всё просто, честно, по делу.

Илья пришёл за час до начала. В зале уже были люди — кто-то настраивал звук, кто-то расставлял стулья, кто-то тихо разговаривал в углу. Илья поздоровался, оставил куртку и подошёл к кафедре.

Пастор Андрей был уже там. Мужчина лет сорока пяти, с короткой стрижкой, в джинсах и рубашке, с Библией в руках. Он всегда выглядел так, будто только что вышел из мастерской или с рыбалки — простой, открытый, без всякой показной торжественности.

— Илюха, привет! — Андрей пожал ему руку. — Как неделя?

— Нормально, — сказал Илья. Потом добавил: — Пастор, мне нужно вам кое-что передать.

Он достал из рюкзака коробку. Белую, перевязанную лентой. Положил на кафедру.

Андрей посмотрел на коробку, потом на Илью.

— Что это?

— Мне дали для вас. Вчера.

— Кто дал?

Илья задумался. Как объяснить?

"Я попал в подвал библиотеки, нашёл тетрадь, которая пишет сама, включил музыку, комната стала светлой, я вышел в другой Томск, где встретил пастора, который дал мне эту коробку"?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.